

ТАТЬЯНА ЯНКИНА

КОНТРАКТ
НА ВЕЧНОСТЬ

Татьяна Янкина

Контракт на вечность

«Автор»

2026

Янкина Т.

Контракт на вечность / Т. Янкина — «Автор», 2026

Спустя десять лет после победы над Волдемотом Гермиона Грейнджер, став министром магии, обнаруживает, что коррупция старой аристократии и министерства проникла во все сферы мирового волшебного сообщества. Чтобы разоблачить транснациональный заговор и спасти Британию от магического краха, она вынуждена заключить союз со своим бывшим врагом Драко Малфоем, который знает секреты темной знати изнутри. Их вынужденный альянс перерастает в страстный, но токсичный брак, скрепленный древними клятвами и общей целью переписать законы магического мира. На фоне политических интриг, покушений и возвращения старых чувств Гермиона балансирует на грани между идеализмом Гриффиндора и жесткостью, необходимой для удержания власти. Фанфик исследует цену справедливости, показывая, как «Золотое трио» меняется под бременем управления миром, где ради спасения невинных приходится заключать сделки с дьяволом.

© Янкина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Пепел над Хогwartсом	5
Глава 1. Десять лет спустя...	8
Глава 2. Принудительное партнёрство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Контракт на вечность

Пролог: Пепел над Хогвартсом

Война закончилась не победным ревом сотен голосов и не звоном колоколов Астрономической башни. Она закончилась оглушительной, давящей на барабанные перепонки тишиной. Тишиной, которая была плотнее каменной кладки и тяжелее доспехов из гоблинского серебра. Эта тишина пахла остывающим пеплом, озоном после десятка схлопнувшихся щитов и сладковатым, тошнотворным металлическим привкусом крови.

Гермиона стояла на краю разрушенной западной галереи Астрономической башни. Каменные зубцы, веками смотревшие в небо, теперь валялись у ее ног бесформенными обломками, засыпав винтовую лестницу мраморной крошкой.

Внизу, во дворе, сустились авроры Министерства. Их мантии мелькали яркими пятнами на фоне серого, мертвого камня замка. Они левитировали тела, оцепляли зоны магического заражения, накладывали репаро на то, что еще можно было починить. Хогвартс больше не был школой. Он стал братской могилой под открытым небом.

Гермиона сделала шаг вперед, к самому краю пролома. Она смотрела на Запретный лес. Древние деревья стояли черными скелетами — Адское пламя, пущенное кем-то из отступающих Пожирателей смерти, слизнуло листву за считанные минуты. Лес молчал. Даже фестралы, всегда чующие смерть, сегодня прятались в тени обугленных стволов.

Она закрыла глаза, пытаясь дышать ровно. Вдох. Выдох. Это упражнение для снятия паники она выучила еще в палатке, когда они скитались по Британии в поисках крестражей. Но сейчас легкие отказывались работать. Воздух казался густым, пропитанным чужим ужасом.

— Все ищешь идеальное место для созерцания? — голос Джорджа Уизли прозвучал слишком громко, грубо разрывая саван тишины.

Он подошел сзади, тяжело ступая. Его правая рука висела на перевязи — следствие встречи с оборотнем из стаи Фенрира Сивого. От Джорджа пахло больничным зельем, антисептиком и усталостью такой глубокой, что она казалась старше самой войны.

— Я просто... хотела посмотреть, — тихо ответила Гермиона, не оборачиваясь. Ее взгляд был прикован к далекой кромке леса. — Кажется, если я отвернусь, он исчезнет. Растворится, как плохой сон. И мы снова окажемся в гостинной Гриффиндора перед экзаменами по Трансфигурации.

Джордж встал рядом, плечом к плечу. Между ними влез бы еще один человек, такая пустота образовалась там, где раньше стоял Фред.

— Он не растворится, 'Mione. Молния бьет в одно и то же место дважды, если оно сделано из железа. Мы — это железо. Шрамы будут болеть вечно.

Они помолчали. Гермиона знала, что Джордж пришел сюда не ради философских бесед. Он искал ее уже час. Минерва МакГонагалл, ставшая директором руин, требовала списки выживших студентов для распределения по временным приютам. Джинни ждала внизу, сжимая в руках потрепанный альбом с фотографиями своей семьи.

— Ты видела Молли? — спросил Джордж, глядя куда-то поверх головы Гермионы.

— Видела. Она складывает вещи Фреда. Свитера. Те самые кричащие, которые вязала ему каждый год. Она улыбается, Джордж. Говорит, что цвет «вырви-глаз» поможет ему быстрее найти дорогу на тот свет, чтобы не заблудиться в толпе.

Джордж глухо, рвано выдохнул. Звук напоминал треск сухого дерева.

— Я не могу туда спуститься. Не могу смотреть, как она улыбается над гробом собственного сына. Это неправильно. Война должна заканчиваться слезами, а не этим... смирением.

— Война заканчивается списками, Джордж, — ровным голосом произнесла Гермiona. Она медленно опустила руку во внутренний карман мантии. Пальцы наткнулись на пергамент, жесткий от засохшей крови на сгибах. — Она начинается с имен живых, а заканчивается перечнем мертвых. Ремус Люпин. Нимфадора Тонкс. Колин Криви. Северус Снейп. Фред...

Ее голос дрогнул только на последнем имени. Она достала свиток. Бесконечный, пожелтевший рулон, исписанный мелким, каллиграфическим почерком. Списки погибших, раненых, пропавших без вести. Работа, которую Министерство свалило на нее в первые же сутки перемирия. Логика, статистика, утешение для родственников, составленное по всем правилам бюрократии.

— Министерство хочет знать точную цифру потерь среди несовершеннолетних волшебников, рожденных в семьях бывших Пожирателей, — продолжила она, разворачивая пергамент. Ветер тут же попытался вырвать его из рук. — Тех, чьи родители получают поцелуй дементора или пожизненное заключение в Азкабана. Сироты первого сорта. Им нужно выделить квоты в Дурмстранг, пока пресса не раструбила о гуманитарной катастрофе.

— Мерзость, — сплюнул Джордж. — Делят шкуры тех, кого сами же подставили под удар.

— Это политика, Джордж. Грязная работа.

Она пробежала глазами. Абстрактные цифры превращались в лица, стоило лишь закрыть глаза. Вот здесь, в колонке «Статус: подтверждена гибель», напротив фамилии «Лонгботтом» стоит короткая приписка: «Алиса, Фрэнк — отделение реанимации больницы Святого Мунго, необратимые повреждения разума (прогрессирует)». А чуть ниже, жирной чертой, выведено имя, которое заставляло ее пальцы белеть от напряжения:

Малфой, Драко. Статус: Пропал.

— Кстати об этом, — Джордж проследил за ее взглядом. Его лицо мгновенно закаменело, приобретая то самое выражение враждебности. — Кингсли рвет и мечет. Малфой испарился прямо из камеры предварительного заключения Аврората. За пару часов до вынесения приговора. Просто растворился ночью. Никаких следов аппаратуры, никаких портключей. Дементоры в третьем блоке клянутся, что ничего не слышали.

— Он не растворился, — автоматически возразила Гермiona, сворачивая список. — Он ушел. Для человека, выросшего в поместье размером с небольшое графство, полным тайных ходов и зачарованных зеркал, сбежать из стандартной камеры уровня С — вопрос навыка. Вопрос выживания.

— Навыка предательства, ты хочешь сказать! — рыкнул Джордж, делая шаг к ней. Его ладонь легла на рукоять палочки — инстинктивно. — Где твоя гриффиндорская справедливость, Гермiona? Этот хорёк пытал людей. По его вине погибли десятки! Он метил в тебя той книгой, он натравил на нас Снейпа, он...

— Он спас мне жизнь в туалете Плаксы Миртл, — перебила она, резко поворачиваясь к нему. Голос ее зазвенел сталью, той самой, что появилась в нем только после года жизни в лесу. — Он солгал Беллатрисе Лестрейндж в поместье Малфоев, рискуя получить Круциатус, чтобы спасти меня от допроса. Он обезоружил моего палача в Большом зале. Да, он трус, Джордж. Эгоистичный, сломленный мальчик, которого отец бил головой об стол за недостаточно прямую осанку. Но он не убийца. Во всяком случае, не больше, чем мы с тобой.

Джордж открыл рот, чтобы возразить, покраснел до корней волос, но осекся. Битва за Большой зал стояла у них всех перед глазами. Вспышки зеленых лучей, падающие тела друзей, и фигура Малфоя, стоящего за спиной матери, закрывающей его своим телом.

— Кингсли объявил его в международный розыск, — глухо сказал Джордж, отводя взгляд. — Уровень угрозы "Максимальный". Любой аврор имеет право применить Аваду при сопротивлении.

— Значит, никто из наших не должен его найти, — отрезала Гермiona, пряча свиток обратно в карман. — Пусть ищет Магический Интерпол. У нас хватает работы с тем, что осталось здесь.

Она подошла к самому краю разбитого парапета. В десяти футах вниз зияла бездна рухнувшего перекрытия. Там, глубоко в фундаменте башни, до сих пор фонит остаточной магией Темного Лорда.

— Знаешь, зачем я здесь стою? — спросила она, не глядя на Джорджа.

— Чтобы пострадать?

— Нет. Чтобы помнить масштаб. Здесь видно, сколько магии ушло из мира вместе с ними. Фред никогда больше не взорвет хлопушку. Лунатик никогда не научит своего сына стоять на четвереньках в полнолуние, смеясь над собственной природой. Тонкс не перекрасит волосы в синий цвет назло маме. Их отсутствие — это физическая дыра в пространстве. Черная дыра. И она растет.

Ветер швырнул ей в лицо горсть холодной пыли. Гермiona стерла ее с щеки тыльной стороной ладони. На коже остался серый след. Она оттолкнулась от парапета.

— Пойдем, — бросила она Джорджу. — МакГонагалл ждет списки. Дети напуганы, им нужны новые спальни до захода солнца. Жизнь продолжается. Самая отвратительная часть победы — это необходимость жить дальше, когда другие этого права лишились.

Джордж хмыкнул, поправляя перевязь, и поплелся за ней к лестнице. Они спускались сквозь руины своего детства. Мимо оплавленной статуи основателя, мимо Большого зала, потолок которого навсегда утратил свои чары и теперь стыдливо демонстрировал серое, плачущее дождем небо. Мимо витражей, выбитых взрывными волнами. Гермiona Грейнджер шла навстречу новой жизни, крепко сжимая в кармане список мертвых. И единственное имя, отмеченное в нем словом «Пропал», пульсировало под ее пальцами подобно второму сердцу.

Где-то далеко, за сотни миль от Великобритании, в дешевой съемной комнате без окон, Драко Малфой сжег свою старую школьную мантию в железной раковине. Огонь съел герб Слизерина за секунду. Пепел он смыл ледяной водой, глядя, как серые хлопья уходят в канализацию. Запаха гари он больше не чувствовал — его нос сожгла кислота в подвалах поместья еще в седьмом классе. Осталось только ощущение невыносимой, звенящей пустоты.

Глава 1. Десять лет спустя...

Десять лет — это сорок пять исправленных законодательных актов, две тысячи триста восемнадцать аннулированных судебных приговоров и бесконечная череда бессонных ночей, пропитанных запахом остывшего эрл-грея.

Гермиона Грейнджер больше не носила мантии из драконьей кожи или кричащие ткани, популярные у юных стажеров Отдела магического правопорядка. Ее униформой стали строгие шерстяные костюмы темно-серого, почти министерского мышинного цвета. Покрой был безупречен, линии плеч — резки, а воротник-стойка всегда поднят ровно настолько, чтобы скрывать бледную кожу шеи. Это была броня. Броня женщины, которая каждый день спускалась в самые темные архивы британского волшебного мира, чтобы вытащить оттуда очередную гниющую несправедливость.

Кабинет Главы отдела по ревизии и аннулированию вредоносных законов находился на самом верхнем уровне Министерства магии, прямо под залами Визенгамота. Из панорамного окна открывался вид на крыши Лондона, но Гермиона держала шторы плотно задернутыми. Ей не нужен был вид на город; ей нужны были стены, обшитые дубовыми панелями, стеллажи с пергаменами до самого потолка и ровный, успокаивающий гул заклинаний сохранения.

Четыре часа утра. На старых часах с кукушкой, конфискованных некогда у семьи чистокровных махинаторов, щелкнула пружина. Гермиона даже не подняла головы от документа. Сон стал для нее такой же роскошью, как отпуск на Майорке. Четырех часов хватало ровно на то, чтобы мозг перестал обрабатывать юридические формулировки и провалился в глухую, без сновидений яму, а затем снова выбросил ее в реальность с первым лучом дежурного Люмоса.

Она потеряла переносицу. Перед ней лежало дело «О принудительной стерилизации оборотней», принятое комиссией Бартемиуса Крауча-старшего еще во время Первой магической войны. Закон действовал подпольно более тридцати лет. В папке толщиной с кирпич было двести семь имен. Женщины и мужчины, чьи жизни были сломаны одним росчерком пера аврора, решившего, что ликантропия передается исключительно через кровь, а не вирус.

Справедливость. Десять лет назад, стоя на руинах Хогвартса, она думала, что победа принесет с собой мир. Но мир оказался лишь паузой перед бумажной войной. Победители хотели праздновать, строить новые школы и пить огневиски. Им было невыносимо смотреть в лицо тому монстру, которого они породили сами — бюрократическому аппарату, который десятилетиями прикрывал страх перед иным законами о сегрегации.

Гермиона взяла самопишущее перо. Оно затрепетало в пальцах, требуя команды.

— Обновить статус дела номер четыреста двенадцать, — сухо приказала она. — Подготовить проект компенсации. По сто галлеонов ежегодно каждому пострадавшему пожизненно. Плюс бесплатное зелье Волчьего противоядия производства госпиталя Мунго. Инициалы: Г.Г.

Перо скрипнуло и начало выводить идеальные буквы. Сто галлеонов. Жалкая подачка за украденное право иметь детей. За десятилетия одиночества. Но Бюджетный комитет Министерства заблокирует любую сумму выше.

В дверь тихо постучали. Не дожидаясь ответа, вошел Рональд Уизли.

За десять лет он раздался в плечах, его волосы выгорели на солнце почти добела, а на лбу пролегла глубокая вертикальная морщина — след постоянного напряжения. Он возглавлял Сектор выявления нелегального использования Темных искусств. Их кабинеты находились на одном этаже, разделенные лишь стеной звукоизоляционных чар. Они виделись чаще, чем муж и жена, которых никогда не имели.

— Опять спишь стоя? — Рон бросил на край ее стола бумажный пакет, источающий запах свежей выпечки. — Я принес тебе нормальную еду. Булочка с маком. Если ты съешь хотя бы половину, я буду считать свою утреннюю миссию выполненной.

— Положи на полку, Рон, — не отрываясь от пергамента, бросила Гермиона. — Там уже кладбище твоих булочек. Ты приносишь их каждое утро последние три года. Я выбрасываю их, когда они начинают плесневеть.

— Ты чудовище, Грейнджер, — вздохнул он, проходя глубже в кабинет. Его взгляд упал на стопку дел на углу стола. — Что там сегодня? Очередные сквибы, лишённые палочек в сорок пятом?

— Оборотни. Стерилизация. Крауч. Тридцать восьмой год.

Рон помрачнел. Он подошел к окну и с силой дернул шнур портьеры. Серый лондонский рассвет вполз в комнату, обнажая слой пыли на верхних полках. Гермиона раздраженно сощурилась.

— Закрой. Этот свет мешает мне видеть сноски.

— Тебе мешает спать отсутствие совести, — Рон развернулся, опираясь бедром о край ее стола. Скрип дорогого сукна прозвучал в тишине кабинета почти неприлично громко. — 'Mione, посмотри на себя. От тебя остались только глаза и амбиции. Кингсли вызывает нас обоих сегодня к девяти. Комиссия по этике опять недовольна темпами твоей работы. Говорят, ты слишком давишь на отдел компенсаций.

Гермиона наконец отложила перо. Она медленно сняла очки в тонкой металлической оправе и закрыла лицо руками. Пальцы пахли архивной пылью и старыми чернилами.

— Они всегда недовольны, Рон. Потому что признать вину Министерства — значит признать, что Дамблдор ошибался в своей политике умиротворения. Что Орден Феникса годами закрывал глаза на произвол чиновников, пока боролся с Волдемортом. Легче назвать меня радикалкой, которая хочет разорить казну, чем выплатить компенсацию семье Эммелины Вэнс за то, что аврор Долиш принял ее за Пожирателя из-за схожести патронаса.

— Это политика, — устало повторил Рон. — Грязная работа.

— Нет, — голос Гермионы зазвенел, как туго натянутая струна. — Это математика. Справедливость — это уравнение. Если мы вычтем тридцать лет дискриминации гигантских разумных рас, прибавим конфискацию имущества эльфов-домовиков и умножим на процентную ставку инфляции галеона, мы должны получить ноль. Баланс должен сойтись. А он не сходится, Рон. Никогда не сходится. Каждое новое вскрытое преступление прошлого тянет за собой два новых иска.

Она встала. Ростом она едва доставала Рону до плеча, но сейчас казалось, что именно она нависает над ним. Энергия загнанного зверя билась внутри хрупкой оболочки.

— Знаешь, почему я взялась за закон Малфоев о запрете полукровкам владеть палочками? — спросила она тихо, подходя к стене, где висела огромная карта Британии, утыканная красными флажками. Каждый флажок — непроверенное дело. — Не потому, что я грязнокровка. А потому что этот закон нарушал Третий закон Ньютона-Эйвери. Действие равно противодействию. Выдавив нас из системы образования, они создали целое поколение бесправных, озлобленных волшебников, которые колдовали стихийно. Именно эта неконтролируемая сила дала Лорду его первых последователей. Мы лечим симптомы, Рон. А болезнь сидит в самой структуре фундамента этого здания.

Рон молчал, глядя на нее с тем сложным выражением смеси обожания, страха и жалости, которое появлялось у него всякий раз, когда она впадала в подобный раж.

— Кингсли боится, что, если ты выплатишь этим людям деньги, они купят на них палочки и придут требовать голову Корнелиуса Фаджа, — сказал он наконец. — Ему нужна стабильность. Тихая гавань.

— Тогда пусть переименует Министерство в богадельню! — Гермиона резко отвернулась от карты. — Принеси мне протокол вчерашнего заседания Комитета. Мне нужно найти лазейку в статье о «форс-мажорных государственных расходах». Если я докажу, что выплаты жертвам

репрессий — это не гуманитарная помощь, а возврат незаконно изъятого налога на магический потенциал...

Зазвенел сквозной зеркальный коммуникатор на столе. Резкий звук заставил обоих вздрогнуть. Поверхность зачарованного стекла пошла рябью, и из него показалось усталое, землистое лицо Гарри Поттера. Шрам на его лбу давно зажил, став тонкой белой линией, но мешки под глазами выдавали начальника Аврората лучше любого признания.

— Грейнджер, Уизли, — голос Гарри был лишен всяких эмоций. — Оба ко мне в допросную. Немедленно. Код "Синий".

Код "Синий" означал чрезвычайную ситуацию уровня угрозы национальной безопасности. Или обнаружение тела высокопоставленного чиновника в кабинете.

— Что случилось? — Рон машинально потянулся к поясу, проверяя палочку.

— Ничего, что касается ваших пыльных свитков, — отрезал Гарри. — Но это касается человека, чье имя вчера всплыло в отчете Интерпола. Драко Малфой. Кажется, наш блудный хорек вернулся домой.

Дорога до Атриума заняла меньше минуты — спустились служебным лифтом, минуя уровни, забытые стажерами. Гарри ждал их в комнате без окон за главным залом суда. Стены здесь были обиты свинцовыми листами — защита от легилименции и прослушивающих чар.

На металлическом столе между ними лежал один-единственный предмет. Небольшой серебряный портсигар с гравировкой переплетенных букв "M" и "D". Семейная реликвия Малфоев.

— Нашли в камере хранения на вокзале Виктория, — Гарри кивнул на портсигар. — Обычный досмотр багажа. Ничто не предвещало. Внутри записка. Написано вашей любимой канцелярской латынью, Гермиона. Узнаете почерк?

Гермиона наклонилась. Буквы были выведены каллиграфически, с идеальным нажимом. Почерк человека, привыкшего подписывать дарственные на родовые земли.

«Я не прошу убежища. Я предлагаю сделку. Информация в обмен на иммунитет. Место встречи: Лютный переулок, лавка Борджина и Бёрка, полночь. Гермиона приходи одна. Р.У. останется в Министерстве в качестве гарантии моей неприкосновенности до завершения переговоров».

Гермиона выпрямилась. Кровь отхлынула от лица, делая кожу мраморной.

— Он издевается, — прошипела она. — Шантажировать Министерство моим именем? После десяти лет тишины?

— Он не шантажирует Министерство, — тихо возразил Гарри, внимательно наблюдая за ней. — Он обращается лично к тебе. Он знал, что эту находку покажут именно тебе. Лавка Борджина — это место силы старого круга Пожирателей. Место, куда авроры вроде меня заходят только с боевым отрядом. Он хочет встретиться на его территории. И он просит, чтобы пришел тот, кто умеет читать между строк древних контрактов.

— Это ловушка, — тут же рыкнул Рон, сжимая кулаки. — Гарри, нельзя пускать ее туда. Это псих ненормальный. Он исчез на десять лет, научился черной магии похуже Волдемортовой, а теперь вылез поиграть?

— Если бы он хотел убить Гермиону, ему не нужно было возвращать портсигар через камеру хранения, — задумчиво произнес Гарри. — Портсигар прошел проверку. На нем нет следов ядов, проклятий или поисковых чар. Идеально чистый артефакт. Кроме одного... — Гарри достал палочку и направил ее на серебро. — *Specialis Revelio*.

Над портсигаром вспыхнуло легкое облачко пара. Когда оно рассеялось, на внутренней крышке проступила надпись, невидимая глазу: «Ты единственная, кто дочитывает законы до последней поправки. Помнишь статью 58-бис?»

Гермиона побледнела еще сильнее. Статья 58-бис. Поправка к закону о собственности, которую она нашла месяц назад в подвалах Отдела Тайн. Мелким шрифтом, петитом, втис-

нутая между регламентом о налоге на ковры-самолеты и правилами перевозки пикси. Эта поправка позволяла Министру магии единолично конфисковывать имущество любой чистокровной семьи, признанной неблагонадежной, без права апелляции. Именно так Малфои потеряли свое состояние сразу после падения Темного Лорда.

Он помнит. Спустя десять лет, находясь в бегах, он читает те же журналы заседаний Визенгамота, что и она.

— Он предлагает информацию о других таких статьях, — догадалась Гермиона. Голос ее звучал хрипло. — О тех, что спрятаны настолько глубоко, что мои аналитики-младше рангом просто пропустили их, считая опечатками. Он знает архитектуру нашего законодательства изнутри. Потому что его отец помогал ее строить.

— Вот поэтому ты никуда не пойдешь, — твердо сказал Рон.

— Пойду, — Гермиона открыла ящик стола, которого секунду назад здесь не было (пространственное расширение мебели входило в стандартный набор главы отдела), и достала свою палочку. — Собери группу захвата. Размести их по периметру Лютного. Чтобы мышь не проскочила. Но внутрь я войду одна. Если он почувствует присутствие авроров, он аппарирует. Или швырнет в меня Адским пламенем. Он параноик, Рон. Как и все мы.

— Я пойду с тобой, — начал Рон, но Гарри жестом остановил его.

— Нет. Он четко прописал условия. Один на один. Без палочки Рона, направленной ему в спину. Иначе сделка отменяется. А нам нужны эти данные, ребята. То, что накопила Гермиона за эти годы — это верхушка айсберга. Если коррупция времен Скримджера уходит корнями в эпоху Крауча, нам грозит новый политический кризис. Люди выйдут на улицы. Чистокровные потребуют реванша, а магловские родители — отставки Кингсли. Нам нужен рычаг давления. Малфой — это ключ к сейфу.

Они спорили еще полчаса. Рон приводил аргументы о безопасности, Гарри говорил о государственной необходимости, а Гермиона методично собирала сумку. Она положила туда пузырек с костеростом, нейтрализующее зелье широкого спектра и старый, многократно чиненный детектор лжи размером с пуговицу.

Когда она застегивала мантию, Рон вдруг шагнул вперед и взял ее за локоть. Его хватка была болезненно крепкой.

— Обещай мне одну вещь, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. В его взгляде плескалась такая отчаянная нежность, что у Гермионы перехватило дыхание. — Если запахнет жареным... если он хоть пальцем... Просто крикни. Крикни любое слово. Мы снесем этот притон до основания вместе с крышей.

— Я работаю с законами, Рон, — она осторожно высвободила руку. — Я знаю, как обезвредить человека словом быстрее, чем ты — заклинанием. Перестань смотреть на меня как на школьницу, идущую в Запретный лес. Я изменилась.

Это была ложь. Она знала, что не изменилась ни на йоту. Та же девочка, которая готова была пойти в логово тролля ради друзей, теперь была готова пойти в логово Малфоя ради справедливости. Суть осталась прежней. Изменились только ставки.

Лютный переулочек в полночь выглядел как гнойная язва на теле Лондона. Здесь не работали городские фонари — их заменял тусклый зеленоватый свет от котлов с сомнительным варевом. Воздух пах гниющей плотью, дешевыми духами и отчаянием.

Гермиона трансгрессировала точно в указанную точку — лужу грязной воды прямо перед облупившейся дверью лавки «Борджин и Бёрк». Каблуки ее туфель утонули в жиже. Она поморщилась, мысленно добавляя пункт «химчистка мантии» в свой завтрашний график.

Дверь была приоткрыта. Петли даже не скрипнули — видимо, их недавно смазывали дорогой эльфийской смазкой. Контраст между внешней убогостью и скрытой роскошью был визитной карточкой Малфоев.

Внутри царил полумрак, прорезаемый лишь лучом лунного света из высокого стрельчатого окна. Пыль танцевала в этом луче, как густой снег. Полки ломились от мрачных трофеев: сушеные руки, банки с заспиртованными эмбрионами, маски африканских шаманов.

Гермиона прошла вглубь торгового зала. Деревянный пол предательски скрипнул под ногой.

— Аккуратнее, Грейнджер, — голос раздался сверху. — Некоторые ступеньки лестницы любят проверять чистоту крови посетителей старым дедовским способом. Впиваются в лодыжку и не отпускают, пока не попробуют железа.

Она вскинула голову. Он сидел на верхней площадке винтовой лестницы, ведущей в жилые покои. Сидел небрежно, закинув ногу на ногу, освещенный сзади. Силуэт был узнаваем идеально: широкие плечи, привычка держать подбородок чуть вздернутым, длинные пальцы, сцепленные в замок.

Десять лет изменили его странным образом. Платиновые волосы отрасли ниже лопаток и были собраны в простой хвост кожаным шнурком. Дорогая, явно сшитая на заказ мантия глубокого графитового цвета сидела на нем безупречно, но ткань казалась тяжелой, словно впитавшей в себя всю усталость изгнания. Лицо осунулось, скулы стали острыми. Но самым страшным были его глаза. Яркие, серебристые, абсолютно лишённые мальчишеской наглости. В них стояла вековая, холодная мудрость змеи, пережившей десяток зим.

— Статья пятьдесят восемь бис, — вместо приветствия сказала Гермиона. Ее голос прозвучал ровно, хотя сердце билось где-то в горле. — Ты действительно думаешь, что знание одной мертвой поправки дает тебе право диктовать условия Министру магии?

— Это дает мне право сидеть здесь, а не кормить дементоров, — он плавно, текучим движением поднялся. — Спускайся. Палочку можешь держать в рукаве. Я знаю, что твои рефлексy быстрее моих.

Она спустилась. Каждая ступенька отдавалась гулом в ушах. Когда она оказалась на одном уровне с ним, стало заметно, насколько он выше. Раньше, в школе, разница в росте не так бросалась в глаза.

— Где остальные? — спросил он, кивая на пустой дверной проем за своей спиной. — Группа быстрого реагирования в подсобке с чучелом василиска? Или Кингсли решил сэкономить налогоплательщикам нервы и прислал только тебя?

— Я здесь одна, — солгала она легко. Гарри наверняка обложил здание, но Малфою об этом знать не обязательно. — Садись. У меня мало времени, а список претензий к законодательству Великобритании занимает три тома.

Он усмехнулся. Сухой, беззвучный смешок.

— Три тома? Какая восхитительная гриффиндорская самоуверенность. Мир гораздо сложнее, чем твой справочник правил, Гермиона. Садись. Чай предлагать не стану, подозреваю, ты не доверяешь содержимому моего чайника.

Они сели друг напротив друга за низкий столик из черного дерева. Между ними легла та самая пропасть в десять лет, заполненная трупами, законами и несказанными словами.

— Чего ты хочешь? — перешла сразу к делу Гермиона. Формальности утомляли ее сильнее физической боли. — Полный судебный иммунитет? Возвращение части земель? Ключи от хранилища Гринготтса?

— Я хочу, чтобы ты прекратила копать, — ответил Драко.

Гермиона замерла. Этого она ожидала меньше всего.

— Что прости?

— Ты разворошила муравейник, Грейнджер, — он подался вперед. Лунный свет упал на его лицо, обнажая тонкий белый шрам, пересекающий правую бровь — сувенир, которого не было в школе. — Твоя комиссия честности — это бульдозер. Ты сносишь старые связи,

арестовываешь мелких клерков, выплачиваешь крошечные компенсации. Думаешь, строишь справедливость? Нет. Ты создаешь вакуум власти.

— Власть должна принадлежать закону, а не тайным обществам!

— Закон пишут люди, Гермiona. А люди слабы. Те, кого ты снимаешь с должностей — шестеренки. Да, они брали взятки, пытали подозреваемых и переписывали завещания. Но они делали это по правилам старой системы. Система была отвратительна, но она работала. Она сдерживала хаос. Теперь ты вытаскиваешь камни из фундамента. Здание рухнет. И на руинах будут плясать не такие, как ты. На руинах будут править те, кто не боится испачкать руки кровью без суда и следствия. Радикалы. Те, кто считает войну десятилетней давности лишь разминкой.

— Это угроза? — ее пальцы сжались на подлокотнике кресла.

— Это констатация факта, — он смотрел на нее не мигая. — Есть вещи хуже коррупции, Грейнджер. Например, гражданская война. Мой отец был мерзавцем. Мерзавцем высшего сорта. Но он умел вести переговоры с кентаврами, гоблинами и вампирами, когда Министерству припирало задницу. Он удерживал границы. Сейчас границы трещат по швам. Маглы начали замечать аномалии. Вспомни Бирмингемский инцидент в прошлом месяце. Пятнадцать тысяч человек видели, как собор парил в воздухе. Ваш отдел связей с маглами едва замял дело. Еще одна такая ошибка — и начнется охота на ведьм в прямом смысле слова. Только жечь будут уже нас всех. И чистых, и не очень.

Гермiona слушала его, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику. Все, что он говорил, имело смысл. Уродливый, циничный, слизеринский, но железный смысл. Она строила идеальный правовой механизм, забывая, что магический мир держится не на букве закона, а на балансе страха и традиций.

— Чего ты хочешь взамен за молчание? — повторила она вопрос, меняя тактику.

— Я ничего не прошу для себя, — Драко откинулся на спинку стула. — Я мертв для этого мира, и мне комфортно в этой могиле. Я прошу для них. Оставь в покое старую гвардию. Тех, кто ушел на пенсию. Забудь про мелкие хищения Амбридж. Дай им дожить свои дни в их поместьях. Взамен я дам тебе имена настоящих врагов. Тех, кто финансировал контрабанду запрещенных артефактов в Восточную Европу последние пять лет. Тех, кто стоит за похищениями сквибов для черных аукционов. Это уровень выше, чем твой текущий раскоп. Уровень, где твоя чистая логика пасует перед древней магией крови.

— Почему я должна верить слову бывшего Пожирателя смерти? — горько усмехнулась она. — Особенно учитывая твою блестящую биографию.

— Потому что моя мать живет в Мандино под чужим именем, — его голос впервые дрогнул, став тише. — И если ты продолжишь трясти яблоню Министерства, рано или поздно яблоко упадет так далеко, что докатится до нее. Кингсли благороден, но его подчиненные продажны. Кто-нибудь продаст маршрут ее прогулок за горсть галлеонов. Старые долги нужно отдавать, Грейнджер. А долг Нарциссы перед вами неоплатен. Моя безопасность — это цена ее спокойствия. А информация, которую я даю — это мой способ быть полезным новому режиму. Признай, звучит убедительнее, чем мольбы о прощении.

Он блефовал? Возможно. Но риск был слишком велик. Если он прав, и ее расследование спровоцирует переворот...

— Условия, — жестко сказала она. — Первое: ты сдаешь мне контакты связных. Второе: ты проходишь проверку сывороткой правды в присутствии Поттера. Третье: никаких контактов с прессой. Четвертое: ты носишь ограничитель магии первого уровня в течение пяти лет. Жить будешь в предоставленном Министерством безопасном доме.

Драко выслушал ее с легкой полуулыбкой.

— Ограничитель исключается. Моя ценность в моем уме и доступе к библиотекам закрытых родов. Без палочки я бесполезен.

— Тогда браслет слежения. Постоянный.

— Согласен. И условие пятое, личное, — он подался вперед, вторгаясь в ее личное пространство. Серые глаза оказались совсем близко. — Ты прекращаешь работать по двадцать часов в сутки. Я просмотрел твои медицинские карты. Ты истощена магически. Еще полгода такого графика, и твоя искра погаснет. Ты возьмешь двухнедельный отпуск. Прямо сейчас. И проведешь его вне стен Министерства. Я прослежу за этим в качестве своего первого акта сотрудничества.

Гермиона смотрела на него широко раскрытыми глазами. Наглость этого требования граничила с безумием. Он диктует главе департамента, как ей распоряжаться своим временем?

— Ты переходишь границы, Малфой.

— Я устанавливаю правила сделки, — поправил он. — Ты хотела справедливости? Справедливость требует функционирующего инструмента. Этим инструментом являешься ты. Инструмент нужно беречь. Так гласит инструкция по эксплуатации сложных механизмов.

Она смотрела на его бледные губы, чеканящие слова, на шрам у брови, на то, как нервно подрагивает жилка на его шее. Война закончилась, но битва за будущее только начиналась. И заключать союз с дьяволом, вооруженным знанием законов, было самым опасным предприятием в ее жизни.

— Хорошо, — выдохнула она. — Но если ты выкинешь хоть один фокус...

— Я читал ту же книгу по этикету, что и ты, Грейнджер, — прервал он ее. — Угрозы — признак дурного тона. Предлагаю скрепить договор. Не рукопожатием, разумеется. Это пошло. Давай просто выпьем того ужасного чая, что остыл у тебя на столе. Ровно в полночь.

Он встал и направился к лестнице, давая понять, что аудиенция окончена.

— Ах да, — обернулся он на предпоследней ступеньке. — Доброй ночи, Гермиона. И поздравляю с годовщиной. Ровно десять лет, как пепел осел. Самое время сажать новые деревья. Только убедись, что корни не сгнили.

Дверь наверху захлопнулась с мягким стуком. Гермиона осталась сидеть в темноте лавки. Она выиграла раунд, получив источник информации. Но, глядя на собственные дрожащие руки, она понимала: Драко Малфой не сдался. Он просто сменил поле боя. И теперь он играл на ее территории, зная правила лучше, чем она сама.

Глава 2. Принудительное партнёрство

Двухнедельный отпуск, навязанный Малфоем, превратился в изощренную пытку. Гермиона Грейнджер не умела отдыхать. Для человека, чья нервная система последние десять лет работала на чистом адреналине и черном кофе, отсутствие угрозы национальной безопасности вызывало физическую ломку.

Она стояла у панорамного окна своей квартиры в магловском районе Паддингтон. Министерство оплатило этот пентхаус как «объект безопасного проживания ключевого сотрудника». Безопасность здесь заключалась в чугунных решетках, замаскированных под современные жалюзи, и портключках в каждом углу комнаты. Но вид отсюда открывался потрясающий: огни Лондона текли внизу рекой расплавленного золота.

Было три часа ночи. Сон снова не пришел. Вместо него пришли воспоминания, которые она так старательно утрамбовывала в архивы своего сознания.

Трагедия войны никогда не была для Гермионы громкой. Она не кричала от боли под Круциатусом Беллатрисы — тогда просто закончились слезы. Ее личная трагедия всегда звучала шепотом. Шорохом пергамента, на котором выцветают чернила старых клятв. Тиканьем часов в пустой спальне Рональда Уизли, когда он оставался у нее лишь до полуночи, потому что утром ему нужно было ловить контрабандистов, а ей — спасти мир с помощью запятых в законопроектах.

Рон. Он был константой. Теплым, надежным, пахнущим порохом и вересковым медом. Он любил ее той любовью, которая описывается в детских сказках — преданно, всепрощающе, глядя снизу вверх. Он приносил ей булочки по утрам и чинил ее разбитые очки заклинанием *Oculus Reparo*, хотя сам порой путал *Левиосацию* с *Инсендио*.

Но любовь Рона была похожа на шерстяной плед. А душа Гермионы давно замерзла настолько, что требовала ледяного ветра, чтобы хоть что-то почувствовать.

Ее пальцы сами собой коснулись шеи. Там, под воротником строгой блузки, скрывался тонкий серебряный медальон. Внутри него была спрятана крошечная ампула с ядом василиска — подарок от Гарри, «на всякий случай». Гермиона иногда ловила себя на мысли, что трется пальцем о холодный металл не из соображений безопасности, а ради физического ощущения холода. Чтобы напомнить себе, что она все еще способна чувствовать.

В кармане мантии, брошенной на кресло, тихо звякнул сквозной зеркальный коммуникатор. Не зеркало связи, которое они использовали с Гарри, а официальный министерский патронус-канал. Сообщение вспыхнуло зеленоватым светом прямо в воздухе:

«Грейнджер. Отчет аналитиков по твоему запросу готов. И тебе стоит это увидеть. Приходи в архив уровня Минус Девять. Пропуск я оформил. Р.У.»

Уровень Минус Девять. Сектор конфискованных темных артефактов. Место, куда даже авроры спускаются только в сопровождении ликвидаторов проклятий.

Гермиона вздохнула. Отпуск отменялся окончательно. Натянув первое попавшееся платье-тренч, она трансгрессировала, нарушив сразу три пункта инструкций по собственной безопасности.

Сектор Минус Девять Министерства магии напоминал внутренности гигантского склепа. Воздух здесь был густым, тяжелым от консервирующих чар и запаха старой крови. Стены покрывала серебристая изморозь — побочный эффект работы тысячи анти-аппарационных щитов.

Рон ждал ее у входа в главный зал. В руках он держал не папку с отчетом, а тяжелый хрустальный ларец, внутри которого пульсировал тусклый свет.

— Я соврал про отчет, — глухо сказал он, когда она подошла ближе. Его голос эхом отразился от сводов. — Мне нужно было вытащить тебя из твоей стеклянной клетки. Ты выглядишь ужасно. Кожа прозрачная.

— Это называется аристократическая бледность, Рон, — попыталась пошутить она, но губы плохо слушались. Холод подземелья пробирал до костей. — Что происходит? Почему мы в хранилище?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.